Вестник Русского сада
Цифровой журнал Русского культурного сада, Кливленд
ВЫПУСК №21 · ОКТЯБРЬ 2026

English | Русский

Вестник Русского сада

Цифровой журнал Русского культурного сада, Кливленд

Третий не лишний

Николай Резанов · Розанов, Ерофеев, Довлатов · Галина Вишневская · В следующих номерах

ВЫПУСК №21 · 29 ОКТЯБРЯ 2026

Третий не лишний

Говорят, третий лишний. Но в историях этого выпуска именно третий герой неожиданно меняет всё. Три любви Николая Резанова, три писателя, разделённые временем, и три человека, благодаря которым Кливленд оказался частью большой музыкальной истории. А напоследок — обещание ещё одной встречи, на этот раз с тремя докторами.

Светлана Столярова

Редактор «Вестника Русского сада»

Три любви Николая Резанова

История за пределами легенды «Юноны и Авось»

27 октября исполняется 82 года со дня рождения Николая Караченцова — артиста, чей голос, темперамент и удивительная сценическая энергия навсегда остались в памяти нескольких поколений зрителей.

Среди множества созданных им образов особое место занимает граф Резанов в легендарном спектакле московского театра «Ленком» «Юнона и Авось», поставленном Марком Захаровым в 1981 году на музыку Алексея Рыбникова и стихи Андрея Вознесенского.

Есть мелодии, которые невозможно отделить от человеческого голоса. Стоит услышать первые звуки романса «Я тебя никогда не забуду» — и перед глазами возникает Караченцов, его Резанов, его любовь, его отчаяние.

«Я тебя никогда не забуду». Рок-опера «Юнона и Авось», театр «Ленком». (youtube.com/watch?v=zLjIKdrq2wE)

Для нескольких поколений зрителей именно таким и остался Николай Петрович Резанов: романтическим героем, полюбившим юную испанку Кончиту на далёком калифорнийском берегу и навсегда разлучённым с ней смертью.

Но настоящий Резанов был человеком куда более сложным. Дипломат, государственный деятель, один из создателей Российско-Американской компании, участник первого русского кругосветного плавания — он жил в мире, где личные чувства постоянно сталкивались с обязанностями перед государством.

И в его жизни было не две, а три любви.

Первая любовь. Анна

В 1795 году Николай Резанов женился на Анне Григорьевне Шелиховой, дочери купца и исследователя Григория Шелихова, сыгравшего важную роль в освоении Русской Америки.

Их брак продолжался недолго. В 1802 году Анна умерла, оставив мужу двоих маленьких детей.

Смерть жены стала для Резанова тяжёлым ударом. Впереди его ожидали кругосветное плавание, дипломатическая миссия в Японию, путешествия по Русской Америке и Калифорнии. Но годы и расстояния не смогли вытеснить Анну из его сердца.

Мы знаем об этом не по романтическим преданиям, а из письма, написанного самим Резановым незадолго до смерти.

К нему мы ещё вернёмся.

Вторая любовь. Кончита

Весной 1806 года Резанов прибыл в испанскую Калифорнию. Русские поселения на Аляске испытывали серьёзные трудности со снабжением, и одной из его задач было добиться продовольственной помощи и наладить торговые отношения с испанцами.

В Сан-Франциско он познакомился с семьёй коменданта крепости Хосе Дарио Аргуэльо. Его дочь Мария Консепсьон, которую называли Кончитой, была молода, хороша собой и, судя по наблюдениям Резанова, обладала независимым характером.

Знакомство закончилось помолвкой.

Именно здесь начинается история, которую впоследствии прославила «Юнона и Авось».

Но что происходило в действительности?

В письме графу Николаю Румянцеву от 17 (29) июня 1806 года Резанов подробно рассказал о своём пребывании в Калифорнии. И описание его ухаживания за Кончитой совсем не похоже на внезапное романтическое увлечение.

«Ежедневно куртизируя гишпанскую красавицу, приметил я предприимчивой характер ея, честолюбие неограниченное…»

Резанов рассказывает, как постепенно расположил к себе девушку, заметив её желание увидеть мир за пределами испанской колонии.

«…и наконец нечувствительно поселил я в ней нетерпеливость услышать от меня что-либо посериознее до того, что лишь предложил ей руку, то и получил согласие».

Перед нами не столько влюблённый романтик, сколько опытный дипломат, который прекрасно понимает, какое влияние может приобрести благодаря родству с семьёй коменданта.

Однако на этом история не заканчивается.

Историк А. А. Истомин обнаружил, что сохранились два авторских варианта письма Румянцеву. В более раннем варианте Резанов описывает развитие отношений совершенно иначе:

«Прекрасная Консепсия умножала день ото дня ко мне вежливости…»

И далее признаётся, что её искренность и внимание начали заполнять пустоту в его сердце.

В позднейшей редакции эта эмоциональная сторона почти исчезает. Вместо неё появляется рассказ о продуманном сближении с девушкой, обусловленном трудностями дипломатической миссии.

Почему Резанов изменил текст?

Истомин предполагает, что он стремился представить свои действия в наиболее выгодном для государственного деятеля свете, исключить подозрения в том, что личные чувства могли повлиять на исполнение служебного долга.

Получается удивительная картина: один и тот же человек, рассказывая об одной и той же истории, оставляет нам два существенно разных объяснения своих поступков.

И оба принадлежат самому Резанову.

Третья любовь. Отечество

Чтобы понять Резанова, необходимо услышать ещё один голос в его письмах — голос человека, для которого служение России было не просто обязанностью, но частью собственного представления о достоинстве.

Сегодня эта интонация кажется почти забытой. В обращениях Резанова к государственным деятелям, в рассуждениях о торговле, дипломатии и положении русских поселений постоянно присутствует мысль о пользе Отечества.

Резанов принадлежал к эпохе, когда государственная служба могла восприниматься как личное призвание, а честь и положение человека были неразрывно связаны с исполнением долга.

Но не следует представлять его безупречным героем.

Во время первого русского кругосветного плавания на шлюпе «Надежда» между Резановым и командиром корабля Иваном Крузенштерном разгорелся тяжёлый конфликт. Они путешествовали на одном судне, но разошлись во взглядах на распределение полномочий настолько, что общались в том числе посредством письменных обращений.

Резанов считал себя облечённым высокими полномочиями и требовал соответствующего отношения. Крузенштерн, отвечавший за корабль и экипаж, отстаивал собственную власть капитана. В письмах и донесениях участников конфликта слышны обида, гордость, раздражение, забота о собственном достоинстве — и убеждённость каждой стороны в своей правоте.

На Камчатке в 1804 году генерал Павел Кошелев содействовал их примирению, и «Надежда» продолжила путь к Японии.

Именно после примирения, 10 сентября 1804 года, накануне прибытия в Японию, Резанов пишет Крузенштерну о том, как следует вести себя с японцами: «...без всякого однако ж, унижения скромным и снисходительным обращением можно снискать ласку и любовь сего народа...»

В этих словах удивительно соединяются дипломатическая деликатность и чувство собственного достоинства. Резанов не видит противоречия между уважением к чужим обычаям и сознанием высокого положения представителя Российской империи.

История с Крузенштерном заслуживает отдельного рассказа. Она позволяет увидеть, что представления Резанова о чести и служении не всегда совпадали с представлениями других людей, столь же преданных своему делу.

И всё же его государственные устремления были совершенно реальными. Он добивался развития торговли, искал способы снабжения русских колоний, пытался открыть новые возможности для присутствия России на Тихом океане.

В Калифорнии его дипломатическая миссия и личная судьба неожиданно переплелись.

Признание из Иркутска

24 января 1807 года по старому стилю, находясь в Иркутске, Резанов написал Михаилу Булдакову — мужу сестры своей покойной жены.

До смерти Резанова оставалось менее двух месяцев.

Он возвращался к истории своей калифорнийской помолвки и словно пытался объяснить близкому человеку то, чего не мог сказать в официальном донесении.

«Из калифорнийского донесения моего не сочти, мой друг, меня ветренницей. Любовь моя у вас в Невском, под куском мрамора, а здесь — следствие энтузиазма и новая жертва Отечеству».

Его любовь по-прежнему принадлежала Анне.

Но затем следует признание, которое разрушает простое объяснение брака с Кончитой исключительно государственным расчётом:

«Консепсия мила, как ангел, прекрасна, добра сердцем, любит меня, я люблю ее и плачу о том, что нет ей места в сердце моем...»

И заканчивает он просьбой сохранить эту исповедь в тайне.

Вот они, три любви Николая Резанова.

Любовь к умершей жене, которую он не смог забыть.

Любовь к юной Кончите, которой не смог отдать всего сердца.

И любовь к Отечеству, которой он пытался объяснить даже самые личные решения.

Но можно ли вообще разделить эти чувства?

Возможно, именно их неразрешимое переплетение и составляет настоящую трагедию Резанова.

Кончита. Жизнь после легенды

Резанов покинул Калифорнию, намереваясь вернуться после получения необходимых разрешений на брак.

Но возвращения не произошло.

В марте 1807 года он умер в Красноярске, так и не добравшись до Петербурга.

Кончита узнала о его смерти позднее.

Она никогда не вышла замуж. В последующие годы занималась благотворительностью и религиозной жизнью, а в зрелом возрасте вступила в доминиканскую общину. Умерла она в 1857 году.

Можно ли утверждать, что вся её дальнейшая жизнь была посвящена памяти Резанова?

Исторические документы не позволяют ответить на этот вопрос с полной уверенностью. Её решение не выходить замуж могло иметь разные причины, и мы не вправе сводить долгую жизнь самостоятельного человека к одной романтической истории.

Но есть обстоятельство, которое невозможно обойти: Кончита действительно не стала ничьей женой.

И здесь возникает удивительная перекличка двух судеб.

Резанов до конца своих дней хранил любовь к женщине, которую потерял.

Кончита пережила Резанова на полвека. Она так и не вышла замуж, но что происходило в её душе все эти годы, мы можем лишь предполагать.

Их истории не были зеркальным отражением друг друга. И всё же в обеих осталась любовь, которой не суждено было осуществиться так, как они когда-то надеялись.

Белый шиповник

Белый шиповник. Фото Лилии Цибизовой, Москва.

Философ Василий Розанов однажды написал о любимой женщине: «„Букет“ исчезнет из вина и останется одна вода».

Он говорил о том, что происходит с человеческой жизнью, когда из неё уходит тот, кто придавал ей неповторимый смысл.

Не исключено, что эта мысль помогает понять и Резанова, и Кончиту — хотя каждый переживал свою утрату по-своему.

Театр создал из их истории легенду. Исторические документы сохранили противоречия, сомнения, расчёты, признания и недосказанность.

И всё же, возвращаясь к «Юноне и Авось», мы не чувствуем себя обманутыми.

Искусство не обязано воспроизводить историю буквально. Иногда оно находит для человеческой судьбы такой голос, которого не могли сохранить архивы.

Послушаем романс «Белый шиповник».

Теперь мы знаем немного больше о людях, чья история вдохновила его создателей.

«Белый шиповник». «Юнона и Авось». (youtube.com/watch?v=IEBKBAVVa1A)

В обнимку с моим ретроградом

Розанов, Ерофеев, Довлатов: три писателя и два литературных признания

24 октября исполнилось 88 лет со дня рождения Венедикта Ерофеева. Обычно при упоминании его имени вспоминают «Москву — Петушки», Веничку с его знаменитым чемоданчиком и путешествие, в котором за обыкновенными железнодорожными станциями скрывается целая вселенная.

Но сегодня мы вспомним другое произведение Ерофеева — «Василий Розанов глазами эксцентрика». И ещё двух писателей, без которых эта история была бы неполной.

Василий Розанов умер за девятнадцать лет до рождения Ерофеева. Сергей Довлатов был его современником, но принадлежал к совсем другому литературному миру.

И всё-таки между ними возникло удивительное родство. Сначала Ерофеев обнаружил своего писателя в Розанове. Затем Довлатов признал в Ерофееве одного из самых близких ему авторов.

Три писателя. Три совершенно разных судьбы. И одна редкая способность — говорить о самом серьёзном без малейшей торжественности.

Три пистолета и бутылочка цикуты

В 1973 году в самиздатском журнале «Вече» появилось небольшое произведение Венедикта Ерофеева «Василий Розанов глазами эксцентрика».

Начиналось оно совершенно неподобающим для литературоведческого исследования образом:

«Я вышел из дома, прихватив с собой три пистолета».

Один пистолет герой прячет за пазуху, второй отправляет туда же, а куда положил третий — уже не помнит.

Жизнь ему окончательно опостылела. Любимая женщина ушла, мир отвергнут Богом, философы не помогают, а попытки покончить с собой заканчиваются неизменными неудачами.

Остаётся последнее средство — яд.

Герой отправляется к знакомому фармацевту Павлику, который снабжает его цикутой. Но заодно выясняется, что у Павлика есть три тома Василия Розанова.

И вот тут всё меняется.

Перед нами человек, которому решительно нечего терять. Но любопытство оказывается сильнее отчаяния.

Он начинает читать.

Два литературных хулигана

Почему именно Розанов?

Казалось бы, что общего между религиозным философом, которого принято относить к консервативному лагерю, и автором «Москвы — Петушков»?

Оказывается, очень многое.

Прежде всего — необыкновенная строгость мышления, порой доходящая до жестокости. Оба способны довести мысль до самого неприятного вывода, не смягчая его ради читателя.

Оба обладают беспощадной самоиронией. Оба не признают литературных приличий и получают очевидное удовольствие от их нарушения.

И оба — первоклассные интеллектуальные хулиганы.

Розанов может начать с судьбы христианства, перейти к устройству мироздания и внезапно закончить замечанием, пришедшим ему в голову за чаем.

Ерофеев с той же невозмутимостью соединяет богословие, мировую литературу, похмелье и разговоры в электричке.

Но это вовсе не бессистемность мысли.

Напротив: за кажущимся беспорядком скрывается почти беспощадная логика. Они не столько уничтожают высокое, сколько освобождают его от обязательной торжественности.

Человеческая жизнь слишком сложна, чтобы её можно было разделить на возвышенное и низменное, приличное и неприличное, достойное философии и недостойное её.

Именно это Ерофеев узнаёт в Розанове.

Василий Розанов. Фотография до 1917 года, автор неизвестен. Общественное достояние.

Опавшие листья

Розанов создал один из самых необычных жанров русской литературы.

Его «Опавшие листья» — собрание мыслей, признаний, раздражённых реплик, воспоминаний, случайных наблюдений.

Он записывает их дома, в дороге, за столом. И нередко указывает обстоятельства, при которых возникла мысль.

Философия, не успевшая надеть парадный костюм.

Среди его резких и порой жестоких суждений вдруг встречается признание:

«Основное, пожалуй, мое отношение к миру есть нежность и грусть».

Какая неожиданная характеристика для человека, которого современники обвиняли во всевозможных интеллектуальных и нравственных прегрешениях!

Но разве не то же самое происходит с Ерофеевым?

За его беспощадным юмором, за откровенным шутовством и непристойностями скрывается удивительная чувствительность к человеческому страданию.

Оба способны смеяться над сентиментальностью — и оба гораздо сентиментальнее многих признанных певцов нежных чувств.

Их самоирония не мешает им быть суровыми моралистами. Напротив, делает эту суровость особенно убедительной: они не освобождают от суда даже самих себя.

В обнимку с ретроградом

Чтение Розанова превращается у Ерофеева в настоящее приключение.

Философ выходит со страниц книги и становится живым собеседником.

Он поёт «Боже, царя храни», отправляется в церковь, ведёт себя самым неожиданным образом. А затем возвращается к герою, и между ними начинается разговор.

Ерофеев рассказывает Розанову о мире, которого тот не застал: о революции, о советской действительности, о катастрофах XX века.

Розанов отвечает ему своими мыслями о вере, человеческой природе, грехе и сострадании.

В этой фантастической встрече есть не только литературное озорство.

Есть и нечто гораздо более серьёзное: два человека, разделённые историей, обнаруживают, что понимают друг друга.

Не потому, что во всём согласны.

А потому, что мыслят с одинаковой бесцеремонностью и одинаковой требовательностью к себе и миру.

Появляется Довлатов

А теперь перенесёмся на несколько десятилетий вперёд.

Сергей Довлатов рассказывает о своём знакомстве с «Москвой — Петушками».

Сначала он относился к поэме с предубеждением. Но чтение изменило его мнение настолько, что Ерофеев оказался для него одним из самых близких и родных писателей.

Это особенно интересно, если вспомнить, насколько различаются их произведения.

Довлатов — мастер короткой фразы, точной детали, почти невидимой авторской иронии.

Ерофеев — создатель головокружительных словесных конструкций, в которых философия, богословие, советские лозунги и разговорная речь сталкиваются с невероятной энергией.

Но Довлатов замечает главное.

Юмор. Простота. Лаконизм.

Простота Ерофеева? Лаконизм автора «Москвы — Петушков»?

На первый взгляд, это почти парадокс.

Однако Довлатов прекрасно понимает, что литературная простота не измеряется количеством слов, а лаконизм — длиной предложения.

Искусство состоит в том, чтобы найти единственно возможную интонацию.

У Ерофеева она найдена с удивительной точностью.

Попробуйте перевести «Эники-беники»

Говоря о трудностях перевода «Москвы — Петушков», Довлатов неожиданно вспоминает «Улисса» Джеймса Джойса.

А затем — детскую считалку.

Попробуйте перевести «Эники-беники»!

Что именно здесь переводить? Слова? Звуки? Ритм? Воспоминание о детстве?

У Ерофеева язык устроен столь же причудливо.

Библейская интонация внезапно оборачивается разговором в электричке. Философская мысль — нелепой шуткой. Самая обыкновенная фраза приобретает трагическое звучание.

И всё это держится не только на смысле слов, но и на их звучании, культурных ассоциациях, ритме, на едва уловимом движении авторского голоса.

Довлатов, сам виртуоз точной интонации, почувствовал эту особенность Ерофеева с редкой проницательностью.

И здесь мы снова возвращаемся к Розанову.

Попробуйте пересказать «Опавшие листья», убрав внезапные переходы от философии к домашней мелочи, от жестокости к нежности, от парадокса к исповеди.

Получится совсем другой писатель.

Все трое прекрасно знали, что иногда одна точно найденная интонация стоит целого философского трактата.

Железные и нежные идеи

Есть в «Опавших листьях» слова, которые особенно хочется вспомнить после разговора об этих трёх писателях:

«Верьте, люди, в нежные идеи».

Розанов противопоставляет их железным идеям, которые обещают устроить мир по строгому плану, но слишком часто забывают о живом человеке.

И это, пожалуй, ещё одно неожиданное сходство.

Розанов, Ерофеев и Довлатов не были сентиментальными утешителями человечества.

Они умели быть жестокими в суждениях, беспощадными в насмешке, совершенно непочтительными к авторитетам.

Но все трое с удивительной точностью чувствовали человеческую уязвимость.

И, может быть, именно поэтому их юмор не стареет.

Он рождается не из превосходства над человеком, а из слишком хорошего знания человеческой природы.

Третий не лишний

Розанов умер в 1919 году. Ерофеев — в 1990-м. Довлатов пережил его всего на несколько месяцев.

Три писателя, три эпохи, три разных литературных мира.

Розанов превратил философию в интимный разговор с читателем.

Ерофеев соединил этот разговор с трагикомедией советской жизни.

Довлатов узнал в Ерофееве родственного писателя — мастера юмора, простоты и лаконизма.

Их сближает не только талант смешить, но и редкая способность мыслить строго, говорить свободно и не щадить даже самих себя.

Они не оставили нам удобных ответов.

Зато оставили возможность продолжать разговор.

А это, пожалуй, гораздо интереснее.

Сергей Довлатов о Венедикте Ерофееве и его поэме «Москва — Петушки». Радио Либерти, передача «Экслибрис», 29 января 1989 года. (youtube.com/watch?v=1kpXzCnAwgI)

Галина Вишневская. Голос, который услышал Кливленд

К 100-летию со дня рождения великой певицы. Ноябрь 1965 года, Мстислав Ростропович, Сол Юрок и удивительные встречи, сохранившиеся на страницах американских газет.

25 октября 2026 года исполнилось сто лет со дня рождения Галины Вишневской — великой русской певицы, солистки Большого театра, женщины необыкновенного таланта, мужества и характера.

Её голос звучал на лучших оперных сценах мира. Её партнёрами были выдающиеся музыканты XX века. Вместе с Мстиславом Ростроповичем она составляла одну из самых знаменитых супружеских пар в истории музыки.

Мстислав Ростропович и Галина Вишневская, Нью-Йорк.
Общественное достояние.

Но сегодня нам хочется вспомнить не только всемирно известную артистку. Мы хотим рассказать о Галине Вишневской, которую осенью 1965 года встречал Кливленд.

И сделать это нам помогут не позднейшие воспоминания, а подлинные газетные публикации тех дней.

В них сохранилось удивительно много: восторги и замечания музыкальных критиков, светские приёмы, дружеские встречи, приключения знаменитых музыкантов и даже история о том, как великий американский импресарио Сол Юрок умудрился потерять двух своих самых драгоценных артистов.

Посвящение Мстиславу Ростроповичу и Галине Вишневской: ожившие фотографии. (youtube.com/watch?v=Doec8viewF8)

Ноябрь 1965-го. Русский голос в Severance Hall

11 ноября 1965 года Галина Вишневская вышла на сцену Severance Hall с Кливлендским оркестром под управлением Луиса Лейна.

Ей было тридцать девять лет. Она уже принадлежала к числу ведущих певиц Большого театра и была известна американской публике по предыдущим гастролям.

Кливлендские газеты заранее объявили два её выступления — 11 и 13 ноября. В программе значились арии из опер Чайковского, в том числе «Евгения Онегина», «Пиковой дамы» и «Чародейки».

Soviet Soprano and Moscow Philharmonic Will Be Heard in the Coming Week

Soprano Galina Vishnevskaya, prima donna of the Bolshoi Opera in Moscow, will make her debut with the Cleveland Orchestra, Louis Lane conducting, on Thursday and Saturday evenings at Severance Hall.

Miss Vishnevskaya first appeared in the United States as a soloist with the Moscow State Symphony at Carnegie Hall in 1960. The next season she made her debut with the Metropolitan Opera. The Moscow-born artist began studying singing at 16, and after a year, joined the Leningrad Operetta Theater. This led to an invitation to join the Bolshoi. Since that time she has performed in France, Yugoslavia and England.

In her appearance here she will sing Tchaikovsky operatic arias from "Eugene Onegin," "Pique Dame" ("The Queen of Spades") and "The Sorceress."

OHIO COMPOSER: Donald Erb will be represented in the program when Lane presents the Cleveland premier of the "Symphony of Overtures." This composition was given its world premier earlier this year by the Seattle Symphony Orchestra. It is based on the plays "The Blacks" and "The Maids" by Jean Genet, "Endgame" by Samuel Beckett and "Rhinoceros" by Eugene Ionesco.

Standing room only is available for both concerts.

Moscow Philharmonic:

The Cleveland Opera Assn. will present the first Cleveland appearance of the Moscow Philharmonic Orchestra on Sunday, Nov. 14, at 3 p. m. in Music Hall. Organized in 1947, the orchestra is making its first tour of the United States. Its conductor is Kiril Kondrashin.

Brahm's Violin Concerto will feature soloist Igor Oistrakh. Mahler's Symphony No. 9 is also on the program.

BUDAPEST CHILDREN'S CHOIR: The 35-member Budapest Children's Choir will make its Cleveland debut at Music Hall Tuesday evening. The choir is making its first tour of the United States.

UNIVERSITY CIRCLE RECITAL: Harpsichordist Rafael Puyana, native of Bogota, Colombia, will be presented in recital tomorrow at 8:15 p. m. in Severance Chamber Music Hall by the University Circle Recital Assn.

COMPOSERS' GUILD: Michael Charry will conduct the Koch String Quartet — Joseph Koch, Samuel Epstein, William Kiraly and Donald White, percussionists Richard Weiner, Joseph Adato and Robert Matson and Michael Burke, piano and celesta, in a performance of Donald Erb's "Antipodes" at the Music School Settlement, 11125 Magnolia Dr., Tuesday evening.

Also at this concert presented by the Composers' Guild of the Fortnightly Music Club, Four Songs for Soprano and Piano by Linda Mahlert Frumker will be sung by Jo Ann Lanier with the composer assisting at the piano. Miss Lanier and Diana Hoagland, soprano, with Phyllis Orr at piano, will perform a composition by Widing-White.

SHAKER SYMPHONY: Robert Farriss will conduct the Shaker Symphony Orchestra in the opening concert of its 26th season Sunday, Nov. 14, at 4 p. m. in the John Carroll University auditorium.

Jeanne Doutliel Benjamin, Cleveland-born violinist from the Julliard School of Music, will be featured. Works by Mozart, Beethoven, Sibelius and Brahms will be presented.

ROCKY RIVER CHAMBER MUSIC: The Unitarian Church, 20401 Hilliard Rd., Rocky River.

Compositions by Reicha, Mozart and Spohr will be played by the Symphonia String Quartet and the Cleveland Woodwind Quintet.

Music at Oberlin: The Oberlin College Music Conservatory will present a student woodwind ensemble concert at 4 p. m. tomorrow in Kulas Recital Hall at Oberlin.

The Cleveland Orchestra and Chorus, Robert Shaw directing, will present the third of eight Artist Recitals in Series B at 8 p. m. Friday in Oberlin College Finney Chapel.

The Oberlin Baroque Ensemble will present the music of Pepusch, Telemann, Loeillet and Couperin in concert Tuesday at 8 p. m. in Oberlin's Warner Concert Hall.

In celebration of the 70th anniversary of Hindemith's birth, the Oberlin College Opera Theater will present one-act operas "Angelique" by Ibert and "The Long Christmas Dinner" by Hindemith, Thursday and Saturday evenings in Hall Auditorium at Oberlin.

Music at BW: George Poinar will conduct the Baldwin-Wallace Symphony Orchestra in concert tomorrow at 4 p. m. in Kulas Musical Arts Bldg. at Baldwin-Wallace. Norman Luebwig, violinist, will be soloist in a performance of a work by Saint-Saens.

MUSIC NOTES: Walter Blodgett, curator of musical arts at the Art Museum, will present an organ recital tomorrow at 5 p. m. at the museum. He has scheduled works by Purcell, Noehren, Guilian and Sowerby. He will also present a recital Wednesday at 8:15 p. m. and will perform works by Stanley, Martini, Mendelsshon and Langlais.

Brahm's "German Requiem" will be sung by the Trinity Episcopal Cathedral Choir tomorrow at 3 p. m. at the cathedral, E. 22d St. and Euclid Ave.

Phi Omicron chapter of Mu Phi Epsilon, international and honorary music sorority, will conduct Madge Gerke, governor of the Great Lakes Province, on an inspection visit today.

The Cleveland Press, 6 ноября 1965: «Советское сопрано и Московская филармония выступят на следующей неделе».

With Orchestra

Soviet Soprano to Be Soloist

By Ethel Boros

The flavor of opera will permeate the Cleveland Orchestra programs this Thursday and Saturday evenings under Louis Lane's baton. Soviet soprano Galina Vishnevskaya, star of the Bolshoi opera, will be the soloist.

For her first Cleveland appearances she will sing three operatic arias by Tschaikovsky: excerpts from "Eugene Onegin," "Pique Dame" and "The Sorceress."

These will be preceded by the Cleveland premiere of Donald Erb's "Symphony of Overtures," and Mozart's Divertimento in D major for Strings and Two Horns, K. 334. The concert will close with "Ravel's "La Valse." Both performances are sold out except for standing room.

Miss Vishnevskaya was first heard in this country in 1960. She has since appeared with the Metropolitan Opera Company. She is married to cellist Mstislav Rostropovich.

Music Today

The Cleveland Orchestra, Robert Shaw conducting, performs at 3:30 p.m. in Severance Hall. Works by Martinu, Dvorak and Janacek are programmed.

* * *

Rafael Puyana, harpsichordist, will play works by Frescobaldi, Couperin, Scarlatti and Bach at 8:15 p.m. in Severance Chamber Music Hall. The concert is sponsored by the University Circle Recital Association.

* * *

Haskell Thomson, organist, assisted by Oberlin College musicians will give an all-Bach program at the West Shore Unitarian Church at 8 p.m. Programmed are the Fantasia and Fugue in G minor, Trio Sonata No. 5 in C, Chorale-Prelude "O Mensch bewein dein Sunde Gross;" Solo Cantata 51, "Jauchzet Gott," and Prelude and Fugue in C.

* * *

First Baptist Church of

The Plain Dealer, 7 ноября 1965: Этель Борос, «Советское сопрано — солистка».

На следующий день после первого концерта The Cleveland Press опубликовала рецензию музыкального критика Роберта Финна — Russian Soprano Proves Gifts of Gorgeous Tone.

Заголовок говорил сам за себя: русская певица продемонстрировала великолепное звучание голоса.

Но особенно интересно, что перед нами не дежурный восторг перед знаменитой иностранной гостьей, а внимательная профессиональная оценка.

Финн отмечал заметное вибрато Вишневской, которое, однако, не превращалось в некрасивое раскачивание звука. Его особенно впечатляла способность певицы в нужный момент переходить к чистому, насыщенному звучанию удивительной красоты.

Критик не скрывал и своих оговорок. Тем ценнее его свидетельство: мы слышим не легенду, сложившуюся спустя десятилетия, а непосредственную реакцию человека, находившегося в зале.

Из рецензии выясняется и любопытная подробность: вместо первоначально объявленной арии из «Пиковой дамы» Вишневская исполнила арию из «Чародейки». Прозвучала также музыка из «Евгения Онегина».

Вечер включал не только вокальные номера. Кливлендская публика услышала и современную американскую музыку — произведение Дональда Эрба Symphony of Overtures.

Так на одной сцене встретились русская оперная традиция, американская современная музыка и один из лучших оркестров мира.

«Советская дива — тёплая, человечная»

Именно такой заголовок — Soviet Diva Here Warm, Human — появился 12 ноября в The Plain Dealer над статьёй Этель Борос.

Он удивительно точно передаёт другую сторону кливлендского визита Вишневской.

Газеты рассказывали не только о её голосе, но и о человеке за пределами сцены.

THE PLAIN DEAL

Soviet Diva H

By ETHEL BOROS

Star of the Bolshoi Opera Theater in Moscov
Soviet Union's leading female singer, Galina Vishr
who is making her first appearance with the
Orchestra this week, is not the least bit tempe

Miss Vishnevskaya is a small, slightly plu
feminine woman—quite pretty and warmly hum
pink and white complexion neither needs no
makeup.

In an interview at Severance Hall, with Cl
violinist-surgeon, Dr. Jerome Gross, acting as int
Miss Vishnevskaya said her famed cellist husban
lav Rostropovich, will join her here tomorrow ni
performed in Pittsburgh this week and will play i
next week. This is their third U.S. tour.

MISS VISHNEVSKAYA has beautiful taperin
wears pearlescent nail polish and a plain gold
band next to a huge diamond solitaire, which she
very old Russian diamond and was a gift from
band.

When Dr. Gross left the room to answer a ph
Miss Vishnevskaya was able to continue the con
in halting but acceptable English. She spoke of
dren, Olga, 10, and Elena, 7, who are receiving a
education in a special school.

She and her husband will join the children in
for the New Year celebration (Jan. 1-10) when the
have a vacation. There will be presents and a
huge stockings for the children. The holiday isn
Christmas, she said, and only the old people still c
it as a religious holiday.

IN DECEMBER the Rostropoviches will sto
London to make recordings. Benjamin Britten has

Soviet soprano Galina Vishnevskaya gets in a bit of practice at the home of her Cleveland host, Dr. Jerome Gross, 10300 Lake Shore Boulevard, Bratenahl.

Plain Dealer Photo (Richard J. Mitch)

The Plain Dealer, 12 ноября 1965: Этель Борос, «Советская дива — тёплая, человечная». На снимке — Вишневская репетирует в доме доктора Джерома Гросса, 10000 Lake Shore Boulevard, Братенал. Cleveland Public Library.

В дни визита Вишневская жила в доме доктора Джерома Гросса и его жены на Лейк-Шор-бульвар в Братенале. Доктор Гросс — врач и скрипач, близкий друг Ростроповича — был её переводчиком: певица знала по-английски лишь несколько фраз. «Это замечательные люди, — говорил он о супругах. — Настоящие послы доброй воли благодаря своей музыке». Ростроповича он считал «величайшим из живущих виолончелистов».

Доктор Джером Гросс. Cleveland Public Library.

После первого концерта аплодисменты, по словам светского обозревателя The Cleveland Press Марджори Алдж, «проводили» Вишневскую из Severance Hall до Шейкер-Хайтс — на ужин в её честь, который дали Марвин Д. Хикс и его жена в своём доме на South Woodland Road. Гостей было больше шестидесяти, и певица всё повторяла по-английски, с лёгким британским акцентом: «Thank you very much, thank you very much». «Большего ей и не требовалось, — заметила Алдж. — Хватало её улыбки».

Soviet Soprano Is Star

REMINISCING over photos of Russia are

«Вспоминая Россию»: миссис Марвин Д. Хикс, мистер Хикс, Галина Вишневская и доктор Джером Гросс над фотографиями из России на репетиции Кливлендского оркестра. The Cleveland Press, 12 ноября 1965. Cleveland Public Library.

of the Evening

SOCIAL SCENE

By MARJORIE ALGE

THE OHIO NEWS BUREAU COMPANY

Soviet Soprano Is Star

REMINISCING over photos of Russia are Mrs. Marvin D. Hicks (left), Mr. Hicks, Soviet soprano Galina Vishnevskaya and Dr. Jerome Gross at yesterday's Cleveland Orchestra rehearsal.

Марджори Алдж, колонка Social Scene. The Cleveland Press, 12 ноября 1965. Cleveland Public Library.

У этого ужина была предыстория.

Весной 1965 года Кливлендский оркестр под управлением Джорджа Селла гастролировал в Советском Союзе. В Москве в честь оркестра дал приём посол США Фой Колер. Среди советских гостей были Ростропович и Кондрашин; Вишневской на том приёме не было.

Не было там и самих Хиксов — преданных слушателей Кливлендского оркестра. О московском вечере они узнали от друзей из штата Мэн, чья дочь работала личным секретарём посла. И теперь, осенью, ужин в Шейкер-Хайтс стал своего рода ответной благодарностью: американские друзья принимали московских гостей у себя.

За официальными концертными афишами открывается мир личных знакомств и дружбы, в котором музыканты находили общий язык гораздо легче, чем политики.

Как Сол Юрок потерял двух великих музыкантов

А теперь перенесёмся на месяц назад, в Нью-Йорк.

14 октября 1965 года знаменитый американский импресарио Сол Юрок пригласил своих советских гостей на обед в элегантный французский ресторан Le Pavillon на Восточной 57-й улице.

За столом собралась необыкновенная компания: Давид Ойстрах с супругой, Мстислав Ростропович с Галиной Вишневской и дирижёр Кирилл Кондрашин.

На следующий день Московский филармонический оркестр должен был открыть в Carnegie Hall шестинедельные американские гастроли.

После обеда Юрок усадил дам в свой лимузин и отправился в офис на Пятой авеню. Он был уверен, что Кондрашин и сотрудник агентства проводят Ойстраха и Ростроповича пешком.

Кондрашин, в свою очередь, полагал, что оба музыканта уехали с Юроком.

А сами Ойстрах и Ростропович, оказавшись без сопровождения, отправились разглядывать нью-йоркские витрины.

Через сорок минут все наконец собрались в офисе импресарио.

На следующий день The New York Times рассказала об этом происшествии под заголовком Hurok Misplaces 2 Stars Briefly — «Юрок ненадолго потерял двух звёзд».

К счастью, гастролям ничто не угрожало.

Более того, все одиннадцать концертов в Carnegie Hall уже были распроданы, и Юрок объявил о дополнительном выступлении в Madison Square Garden 8 ноября.

В той же газетной статье сохранился и разговор за обедом.

Кондрашин рассказывал об удивительном развитии музыкальной жизни Советского Союза, о новых концертных залах, консерваториях и симфонических оркестрах, в том числе в Сибири.

А Вишневская заметила, что опера на родине пользуется таким огромным спросом, что певцам порой даже трудно расширять свой репертуар: публика прежде всего хочет слышать любимые русские и итальянские произведения.

Эта небольшая подробность многое говорит о певице. Даже за праздничным обедом в Нью-Йорке она продолжала думать о театре, репертуаре и своей публике.

Семнадцать этажей без лифта

Американские гастроли 1965 года вообще оказались богаты приключениями.

9 ноября Нью-Йорк погрузился в темноту во время знаменитого масштабного отключения электричества.

Ростропович и Вишневская находились в гостинице Warwick, на семнадцатом этаже.

Лифты остановились. Музыкантам пришлось спускаться по лестнице, неся багаж и виолончель.

Позднее Ростропович со свойственным ему юмором рассказал об этом по телефону доктору Гроссу: было так темно, что он не мог разглядеть даже собственную жену.

Через два дня Вишневская уже пела в Severance Hall.

И трудно представить, что кто-нибудь в зале, слушая её Чайковского, подозревал о недавних приключениях певицы и её мужа.

Ещё один русский концерт в Кливленде

14 ноября 1965 года, в воскресенье, в Кливленде состоялось ещё одно значительное музыкальное событие.

В Music Hall, входившем в комплекс Cleveland Public Auditorium, выступил Московский филармонический оркестр под управлением Кирилла Кондрашина.

Солистом был Игорь Ойстрах — сын Давида Ойстраха, которого месяцем раньше Юрок ненадолго потерял в Нью-Йорке. На эти выходные Игорь Ойстрах с женой Натальей тоже остановился у Гроссов, куда приехал и Ростропович.

Отец и сын участвовали в американских гастролях, выступая в разных городах и программах.

Кливлендская публика услышала Скрипичный концерт Брамса, Les Offrandes oubliées Оливье Мессиана и Девятую симфонию Малера.

На следующий день музыкальный критик Фрэнк Груби опубликовал в The Cleveland Press рецензию Moscow Orchestra Rates Praise Here.

Он высоко оценил мастерство московского коллектива и игру Игоря Ойстраха, хотя исполнение Девятой симфонии Малера вызвало у него более сдержанную реакцию.

В течение нескольких дней ноября Кливленд услышал Галину Вишневскую, Кирилла Кондрашина, Игоря Ойстраха и Московский филармонический оркестр.

И всё это происходило в год, когда сам Кливлендский оркестр совершил исторические гастроли по Советскому Союзу.

Музыкальный обмен оказался двусторонним — и удивительно насыщенным.

Неожиданная встреча с Айседорой Дункан

Но у этой истории обнаружилось ещё одно, совершенно неожиданное продолжение.

Кто был Сол Юрок, организовавший американские гастроли советских музыкантов?

Он родился в Российской империи под именем Соломон Гурков, эмигрировал в Соединённые Штаты и стал одним из самых влиятельных импресарио XX века.

Среди артистов, с которыми он работал, были Анна Павлова, Айседора Дункан и многие другие выдающиеся исполнители.

И здесь мы вдруг возвращаемся к истории, которую недавно рассказывали читателям «Вестника Русского сада».

10 декабря 1922 года в Cleveland Public Auditorium выступала Айседора Дункан.

Она приехала в Америку вместе со своим молодым мужем, русским поэтом Сергеем Есениным.

Выступление собрало около девяти тысяч зрителей. Среди свидетелей этого вечера был молодой американский поэт Харт Крейн.

Американские гастроли Дункан организовывал Сол Юрок.

Тот самый человек, который сорок три года спустя пригласил на обед Галину Вишневскую, Ростроповича, Ойстраха и Кондрашина.

Именно здесь две наши истории неожиданно соединились.

В 1922 году Юрок привозил в Америку Айседору Дункан — артистку, перевернувшую представления о танце.

В 1965-м он представлял выдающихся советских музыкантов, среди которых была Галина Вишневская.

И оба гастрольных маршрута прошли через Кливленд.

Музыка, которая продолжает связывать людей

На этом кливлендские встречи не закончились.

В мае 1969 года Мстислав Ростропович и Давид Ойстрах записали с Кливлендским оркестром под управлением Джорджа Селла Двойной концерт Брамса.

Эта запись стала одной из замечательных страниц истории оркестра.

А дружба Ростроповича и Вишневской с американскими знакомыми продолжалась и вне концертных залов.

В декабре 1965 года они дали необычный частный концерт в Нью-Джерси в благодарность двум стоматологам, оказавшим им помощь. Среди гостей был и кливлендский доктор Джером Гросс.

Об этом камерном вечере, собравшем около шестидесяти слушателей, сообщала The New York Times.

Сколько ещё подобных историй скрывается в старых газетах, письмах и семейных архивах?

Мы начали наше исследование с простого желания отметить столетие Галины Вишневской и вспомнить её выступления в Кливленде.

А обнаружили целый мир — мир, в котором музыка связывала людей через океаны и государственные границы, где великие артисты дружили с врачами, дирижёры встречались с американскими коллегами, а знаменитый импресарио иногда терял своих звёзд посреди Нью-Йорка.

Но в центре этой истории остаётся Галина Вишневская.

Женщина, пережившая блокаду Ленинграда, достигшая вершин оперного искусства, разделившая с Ростроповичем годы славы, испытаний и изгнания, сохранившая достоинство

и верность своим убеждениям.

В ноябре 1965 года её голос звучал в Severance Hall.

Сегодня, спустя шестьдесят один год, мы возвращаемся к этому вечеру благодаря людям, которые тогда слушали её, писали о ней и сохранили свои впечатления на газетных страницах.

И, наверное, это лучший способ отметить столетие великой певицы — не просто повторить известные факты её биографии, а вернуть к жизни один из вечеров, когда её искусство стало частью истории нашего города.

С днём рождения, Галина Павловна!

ИСТОЧНИКИ И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- The New York Times, 15 октября 1965 года — «Hurok Misplaces 2 Stars Briefly; Impresario Prepares for Soviet Orchestra Tour».
- The Cleveland Press, 6 ноября 1965 года — анонс выступлений Галины Вишневской и Московского филармонического оркестра.
- The Plain Dealer, 7 ноября 1965 года — Ethel Boros, «Soviet Soprano to Be Soloist».
- The Cleveland Press, 12 ноября 1965 года — Robert Finn, «Russian Soprano Proves Gifts of Gorgeous Tone».
- The Plain Dealer, 12 ноября 1965 года — Ethel Boros, «Soviet Diva Here Warm, Human».
- The Cleveland Press, 12 ноября 1965 года — Marjorie Alge, Social Scene: «...of the Evening» и фото «Soviet Soprano Is Star».
- The Cleveland Press, 15 ноября 1965 года — Frank Hruby, «Moscow Orchestra Rates Praise Here».
- The New York Times, 18 декабря 1965 года — «2 Dentists Win Private Recital; 60 Entertained in Jersey by Rostropovich and Wife».
- Исторические материалы Кливлендского оркестра о записи Двойного концерта Брамса в 1969 году.

Газетные вырезки и фотография доктора Джерома Гросса — из собрания Cleveland Public Library. Фото Г. Вишневской и М. Ростроповича — общественное достояние.

Редакция будет благодарна читателям, которые помогут найти дополнительные фотографии, концертные программы и воспоминания о визитах Галины Вишневской и Мстислава Ростроповича в Кливленд.

Новая входная площадь Сада

Строительство новой входной площади Русского культурного сада идёт к завершению: работы планируется закончить к 5 ноября, если позволит погода. Как только площадь будет готова, мы покажем, как преобразился Сад, и расскажем о людях, благодаря которым этот проект стал реальностью.

Строительство новой входной площади, октябрь 2026. Фото редакции.

Три доктора и музыка

Что общего у науки, медицины и музыкального искусства? Мы расскажем о людях, для которых музыка стала важной частью жизни, хотя их профессиональные пути складывались совсем иначе. Среди героев нашей будущей истории — кливлендские врачи и учёные, а возможно, и наш собеседник из Чикаго. Нас ждут неожиданные встречи, воспоминания и открытия.

Юрий Иваск: поэт, который возвращает нас к Розанову

Русский поэт и литературовед, проживший значительную часть жизни в Америке, оставил собственное поэтическое наследие и помог сохранить для новых поколений читателей произведения Василия Розанова. В одном из следующих выпусков мы познакомимся прежде всего с его стихами — и продолжим литературный разговор, начатый сегодня.

Поддержите Русский культурный сад

Сад живёт благодаря друзьям. Ваше пожертвование помогает ухаживать за Садом, продолжать Аллею славы, создавать Музыкальный уголок Рахманинова и выпускать «Вестник». Для нас важна любая сумма: $10, $25 или $100 — каждый вклад помогает Саду расти.

Чтобы увековечить имя на Аллее славы, рекомендуемое пожертвование — **$250**. Имена спонсоров публикуются на RussianGarden.org. Пожертвование можно посвятить в честь или в память дорогого вам человека.

Zelle:
board@russiangarden.org
Russian Cultural Gardens

RUSSIAN Cultural Garden

Оставайтесь на связи

«Вестник Русского сада» — цифровой журнал Русского культурного сада, Кливленд: постоянная летопись жизни Сада для всех, кто когда-либо называл его своим.

Ссылки

САЙТ РУССКОГО САДА

FACEBOOK

THE FORUM OF MINDS

SOCRATESQ

СКАЧАТЬ PDF

АРХИВ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

ПРЕДЫДУЩИЙ ВЫПУСК (№20)

В этом выпуске

ТРЕТИЙ НЕ ЛИШНИЙ

ТРИ ЛЮБВИ НИКОЛАЯ РЕЗАНОВА

В ОБНИМКУ С МОИМ РЕТРОГРАДОМ

ГОЛОС, КОТОРЫЙ УСЛЫШАЛ КЛИВЛЕНД

В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ

Вестник Русского сада · Выпуск №21 · 29 октября 2026

Выпуск подготовила Светлана Столярова.

Фотографии на обложке и в разделителях — фото редакции. Белый шиповник — фото Лилии Цибизовой, Москва. Газетные вырезки 1965 года и фотография доктора Джерома Гросса — из собрания Cleveland Public Library.

Издание Русского культурного сада Кливленда · Read in English